

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-6-19
УДК 336(075.8)(045)
JEL E44, E58, F31, F34, P45

Трансформация мировой экономики и пандемия

Е.А. Звонова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8923-860X>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – пандемия как фактор трансформации мировой экономики. *Цели статьи* – выявление доминирующих трендов трансформации мировой экономики вследствие пандемии, определение особенностей современного мирового финансово-экономического кризиса, вызванного пандемией, рассмотрение антикризисных мер, принятых национальными регуляторами для смягчения последствий кризиса, анализ последствий пандемии для мировой экономики и возможностей ее развития после окончания пандемии. Приведены сценарии развития мировой экономики после выхода из кризиса, вызванного пандемией: оптимистический и пессимистический – и обоснованы выводы о воздействии пандемии на тренды мирового экономического развития. Обобщены и сгруппированы признаки современного структурного кризиса в группах стран. Проведен анализ доминантной тенденции деглобализации вследствие пандемии и нарастания тенденций регионализации и протекционизма, а также перехода к биполярному устройству мировой экономики. Выявлены закономерности выхода национальной экономики из кризисов, вызванных масштабными эпидемиями, на примере групп развивающихся стран. Определено, что кризис, вызванный пандемией, отличается тем, что он происходит в сферах производства и потребления. Установлено, что современный кризис знаменует переход к шестому технологическому укладу, в рамках которого будет создана глобальная киберфинансовая система. Установлено, что после окончания пандемии мировая экономика перейдет к модели меньших доходов и большей стабильности. Доказано, что кризис, вызванный пандемией, растянется на несколько лет и будет институализирован. Обозначены основные риски пандемии для мирового экономического роста. *Сформулирован вывод* о том, что пандемия COVID-19 перерастет в крупный экономический и геополитический кризис и может спровоцировать значительную трансформацию современного мирового экономического порядка. Одними из возможных последствий пандемии могут стать «виртуализация» экономики и переход к шестому технологическому укладу.

Ключевые слова: пандемия; мировая экономика; коронавирус; финансово-экономический кризис; мировая киберфинансовая система; деглобализация; региональная автаркия; протекционизм; институализация кризиса; шестой технологический уклад; наднациональное регулирование мировой экономики

Для цитирования: Звонова Е.А. Трансформация мировой экономики и пандемия. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(4):6-19. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-6-19

ORIGINAL PAPER

Transformation of the World Economy and the Pandemic

E.A. Zvonova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8923-860X>

ABSTRACT

The subject of the research is the pandemic as a factor of world economy transformation. *The purpose of the article* is to identify dominant trends transforming the world economy due to the pandemic, to define of features of modern global financial and economic crisis caused by the pandemic, to study the anti-crisis measures taken by national regulators to mitigate the effects of the crisis, to analyze the implications of the pandemic for the global economy and possibilities of its development after the end of the pandemic. Various scenarios of development of the world economy after the crisis

© Звонова Е.А., 2020

caused by the pandemic are considered: optimistic and pessimistic – and conclusions about the impact of the pandemic on the trends of world economic development are substantiated. The features of the current structural crisis in groups of countries are summarized and grouped. The analysis of the dominant trend of deglobalization due to the pandemic and increasing trends of regionalization and protectionism, as well as the transition to a bipolar structure of the world economy is conducted. Patterns of national economy recovery from crises caused by large-scale epidemics are revealed, using the example of groups of developing countries. It is determined that the crisis caused by the pandemic differs in the fact that it occurs in both the production and consumption spheres. It is established that the current crisis marks the transition to the sixth technological order, within which a global cyber-financial system will be created. It is determined that after the end of the pandemic, the world economy will move to a model of lower incomes and greater stability. It is proved that the crisis caused by the pandemic will last for several years, and therefore it will be institutionalized. The main risks of the pandemic for global economic growth are outlined. *It is concluded* that the COVID-19 pandemic will develop into a major economic and geopolitical crisis and may provoke a significant transformation of the modern world economic order. One of the possible consequences may be the «virtualization» of the economy and the transition to the sixth technological order.

Keywords: pandemic; world economy; coronavirus; financial and economic crisis; world cyber financial system; deglobalization; regional autarky; protectionism; institutionalization of the crisis; sixth technological order; supranational regulation of the world economy

For citation: Zvonova E.A. Transformation of the world economy and the pandemic. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2020;13(4):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-6-19

ВВЕДЕНИЕ

2020 г. начался в условиях относительной стабильности мировой экономики в развитых странах и осторожных прогнозов экономистов-аналитиков, предсказывающих рост мировой экономики на 2–3%. На таком внешнеэкономическом фоне в ежегодном послании Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации 15 февраля 2020 г. в числе наиболее актуальных задач, стоящих перед российской экономикой, было названо достижение ежегодных темпов роста экономики Российской Федерации не ниже среднемировых, а именно не менее 2% в 2020 г. Предполагались постепенное наращивание темпов экономического роста и вхождение российской экономики в пятерку наиболее развитых стран к 2024 г. Однако «черный лебедь»¹ мировой экономики уже появился, но практически степень его опасности для мировой экономики не была адекватно оценена в январе 2020 г. Речь идет об эпидемии COVID-19, которая началась в китайской провинции Ухань в декабре 2019 г. и достигла своей высшей стадии в феврале 2020 г. И только в марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) объявила пандемию, и мировая экономика по существу встала.

¹ Термин «черный лебедь» стал активно использоваться после выхода в свет книги Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости», обозначая редкие и неожиданные события со значительными последствиями.

Следует отметить, что к весне 2020 г. мировая экономика, переживавшая затянувшуюся после кризиса 2008–2009 гг. рецессию, была готова к кризису. Начала нового структурного мирового финансово-экономического кризиса удавалось избегать десять лет в основном благодаря принятию комплексных мер национального и наднационального регулирования экономики и финансов. Свообразным фальстартом кризиса стал обвал цен на нефть в марте 2020 г. Но не падение нефтяных котировок, которое в конце концов удалось остановить и урегулировать, а не ожидаемый никем вирус COVID-19 стал триггером финансово-экономического кризиса. Поэтому в марте 2020 г. ни один экономист не рискнул бы дать прогноз срока, когда удастся восстановить мировой экономический рост.

Очевидно, что без здоровой мировой экономики невозможно ускорение развития национальных экономик, включая экономику Российской Федерации. Однако в настоящее время состояние мировой экономики определяется комплексом негативных тенденций, вызванных ее остановкой весной 2020 г. вследствие пандемии. Именно поэтому оно практически не прогнозируемо и, кроме того, его сложно анализировать.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА НАКАНУНЕ ПАНДЕМИИ

Пандемия COVID-19 началась в условиях так называемой новой траектории роста мировой эконо-

мики, объявленной экономическими и финансовыми аналитиками, что, на наш взгляд, выглядело необоснованно оптимистичным [1]. Повторяющаяся тенденция нестабильного роста национальных экономик вплоть до 2019 г. могла долго сохраняться ввиду того, что финансовое изобилие, сопровождающееся непомерной долговой нагрузкой, заставляло экономики ряда стран развиваться в разнонаправленных векторах, выражающихся в ежегодном экономическом росте различной интенсивности [2]. Но пандемия и последовавшая временная остановка экономик большинства стран прервали эти разновекторные процессы.

Если среднегодовые темпы роста мировой экономики в 1998–2007 гг. составляли 4,2%, то в период, последовавший после кризиса 2008–2009 гг., они не достигали этой величины. В 2018 г. среднегодовые темпы роста мировой экономики составили 3,6% (в развитых странах — 2,2% по сравнению с 2,8% в 1998–2007 гг., а в развивающихся государствах — 4,5% против 5,8% в 1998–2007 гг.)² В 2019 г. снижение среднемировых темпов экономического роста продолжилось.

Доминантными трендами, оказывавшими негативное воздействие на мировое экономическое развитие и непосредственно его тормозящими, были сокращение операций на мировом финансовом рынке, рост глобальной задолженности при одновременно высокой степени волатильности корпоративного долга, ненадежные и очень длинные глобальные цепочки производства добавленной стоимости, нестабильные трансграничные потоки капитала и крайне волатильные цены на нефть. Все вышеприведенные тренды мировой экономики зависят друг от друга и создают условия для трансформации мирового экономического роста в очередную мировую экономическую рецессию [3].

В таких условиях мирового экономического развития вспыхнувшая в декабре 2020 г. в Китае и быстро распространившаяся по всему миру эпидемия коронавируса стала фактором резкого замедления экономического роста сначала китайской, а затем мировой экономики. По мнению многих аналитиков, коронавирусный шок застал мировую экономику врасплох. Предположить, что мировую экономику можно «остановить» на 2–3 месяца, не могли даже самые смелые экономисты-теоретики. Однако в марте 2020 г. реализовался именно этот сценарий.

² IMF. World Economic Outlook. April 2019. P. 156.

По существу, на фоне пандемии и вынужденного соблюдения карантинных мер стали отчетливо проявляться, а затем лавинообразно нарастать симптомы экономического и финансового кризиса: падали курсы акций на мировых биржах, увеличивалась цена на золото, разрывались глобальные цепочки производства добавленной стоимости, в том числе в мировой автомобильной и авиационной промышленности. Компании сообщали о нехватке комплектующих, отменялись международные торговые ярмарки, полностью остановилась экономика услуг: туризм, авиаперевозки, гостиничный и ресторанный бизнес, так называемая индустрия красоты и пр. Перестал де-факто функционировать весь малый и средний бизнес, формирующий более чем на 60% мировую индустрию услуг, которая в XXI в. структурно составляла 80–90% мировой экономики [10].

Пандемия COVID-19, пришедшая из Китая, затормозила и так небольшой (если не сказать «вялый») рост мировой экономики. Согласно прогнозу аналитиков *Mackinsey*³ сокращение мирового экономического роста в условиях успешного запуска экономик ведущих стран мира после выхода из карантина может составить от 5,5 до 8–9%. Весной 2020 г. произошло снижение котировок всех биржевых товаров: индекс цен на непродовольственные сельскохозяйственные товары уменьшился на 23,4%; на металлы — на 14,2%. В марте-апреле 2020 г. цена нефти марки *Brent* колебалась на уровне 16,5 долл. США, что было на 40% ниже средней месячной цены за этот же период 2019 г. и на 77% меньше среднегодовой цены в 2019 г.⁴

При этом резко, на кризисном уровне, снизились показатели деловой активности: индекс *S&P500* уменьшился на 13,4%, европейский индекс деловой активности *EUROSTOXX50* — на 24,3%, японский индекс деловой активности *NIKKEI 225* — на 19%. В отчете головного объединения немецких промышленников *BDI*, представленном за I квартал 2020 г., отмечается, что эпидемия коронавируса чрезвычайно негативно отразилась на экономике ФРГ: рост ВВП практически остановился, в случае же продолжения эпидемии к концу года все основные экономические показатели уйдут в минус.

³ Сайт компании *Mackinsey*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights> (дата обращения: 26.05.2020).

⁴ Сайт медиахолдинга *S&P Global*. URL: <https://www.spglobal.com/en> (дата обращения: 26.05.2020).

В докладе рейтингового агентства *S&P500 Global Ratings* говорится о том, что дальнейшее распространение коронавируса может обойтись экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) в 211 млрд долл. США. Агентство *S&P500* снизило прогноз роста для Китая в этом году с 5,7 до 4,8%⁵. Следует подчеркнуть, что именно спад в темпах роста экономики Китая стал особенно болезненным для всей мировой экономики ввиду того, что китайская экономика показывала в 2018–2019 гг. ежегодный рост в 6–7% [4].

Большинству экономистов-теоретиков и практиков показалось, что к 2022 г. мировая экономика сможет выйти из гравитационной ловушки мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. (рис. 1). Оптимистические прогнозы аргументировались высокими показателями квартального роста ВВП с середины 2017 г., самым низким уровнем безработицы за последние 49 лет, отдельными сигналами роста заработных плат, уверенным увеличением биржевых рынков и цен на жилье. Пессимистические прогнозы выстраивались на основе следующих факторов: показатели квартального роста могут быть обусловлены одномоментным снижением налогов и неустойчивой динамикой бюджетных дефицитов, вызванных быстрым ростом задолженности частного сектора; рост занятости может скрывать проблемы ненадежности трудоустройства и немотивированности работников. С учетом этих трендов сохранение рецессии в мировой экономике выглядело более вероятным сценарием, чем оптимистический прогноз [4].

Пессимистические прогнозы замедления мирового экономического роста в 2020 г. подтверждались экономическими показателями в европейских странах. В Западной Европе показатели безработицы несколько снизились, но были выше, чем в США, а их рост в 2019 г. (относительно 2018 г.) для Еврозоны и ЕС составил 0,4 и 0,5% соответственно. Кроме того, рост немецкой экономики замедлился из-за сокращения объемов национального экспорта, а французская экономика так и не смогла продемонстрировать устойчивый рост с начала 2018 г. Европейский центральный банк (далее — ЕЦБ) уже спрогнозировал возможность возврата к политике количественного смягчения⁶.

⁵ Там же (дата обращения: 26.05.2020).

⁶ Сайт ЕЦБ. URL: <http://www.chinca.org./CICA/info/19011610281811>.

Что касается США, то там к началу 2020 г. сложилась иная ситуация с темпами экономического роста. В январе–феврале 2020 г. американская экономика характеризовалась благоприятным комплексом факторов в результате трех лет активного роста: в январе некоторые аналитики предположили двухпроцентный рост американской экономики в 2020 г., когда должны состояться президентские выборы. Казалось, что вследствие экономической политики президента Д. Трампа американская экономика «разогрелась» настолько, что прогнозировалось ее постепенное ускорение в период 2020–2024 гг.

Однако ситуация «разогрева» экономики США была неожиданной, так как официальные экономические показатели демонстрировали другое:

1) государственный долг превысил 23 трлн долл. США;

2) в США был высокий уровень закредитованности населения по сравнению с другими развитыми странами: в 2019 г. общий долг американцев составил 16,6 трлн долл. США, из которых 10,6 трлн долл. США приходилось на ипотечные кредиты, а 4,2 трлн долл. — на потребительские кредиты;

3) корпоративный долг в 2019 г. достиг 10,1 трлн долл. США. Практически сформировались условия финансового кризиса, не говоря уже о том, что совокупный мировой долг в начале 2020 г. достиг 250 трлн долл. США, что составило 320% мирового ВВП [6].

Если в развитых странах ситуация с экономическим ростом и безработицей накануне марта 2020 г. была крайне нестабильной и предкризисной, то в развивающихся государствах она была еще более волатильной. Портфельные инвестиции в развивающиеся страны, составившие в январе 2019 г. 51 млрд долл. США, в последующие месяцы значительно снизились, достигнув в мае 2019 г. 5,7 млрд долл. США [5]. К 2019 г. нестабильность экономического развития перевешивала все положительные эффекты от провозглашения центральными банками ведущих развитых стран возврата к политике количественного смягчения (рис. 1).

К началу 2020 г. стало очевидно, что вывод о положительной «развязке» и выходе из «гравитационных» последствий международного финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. был преждевременным. Более того, представленные на рис. 2 данные убедительно свидетельствуют о том, что существовала реальная вероятность отката к новому кризису в ряде стран, иными словами «кризис

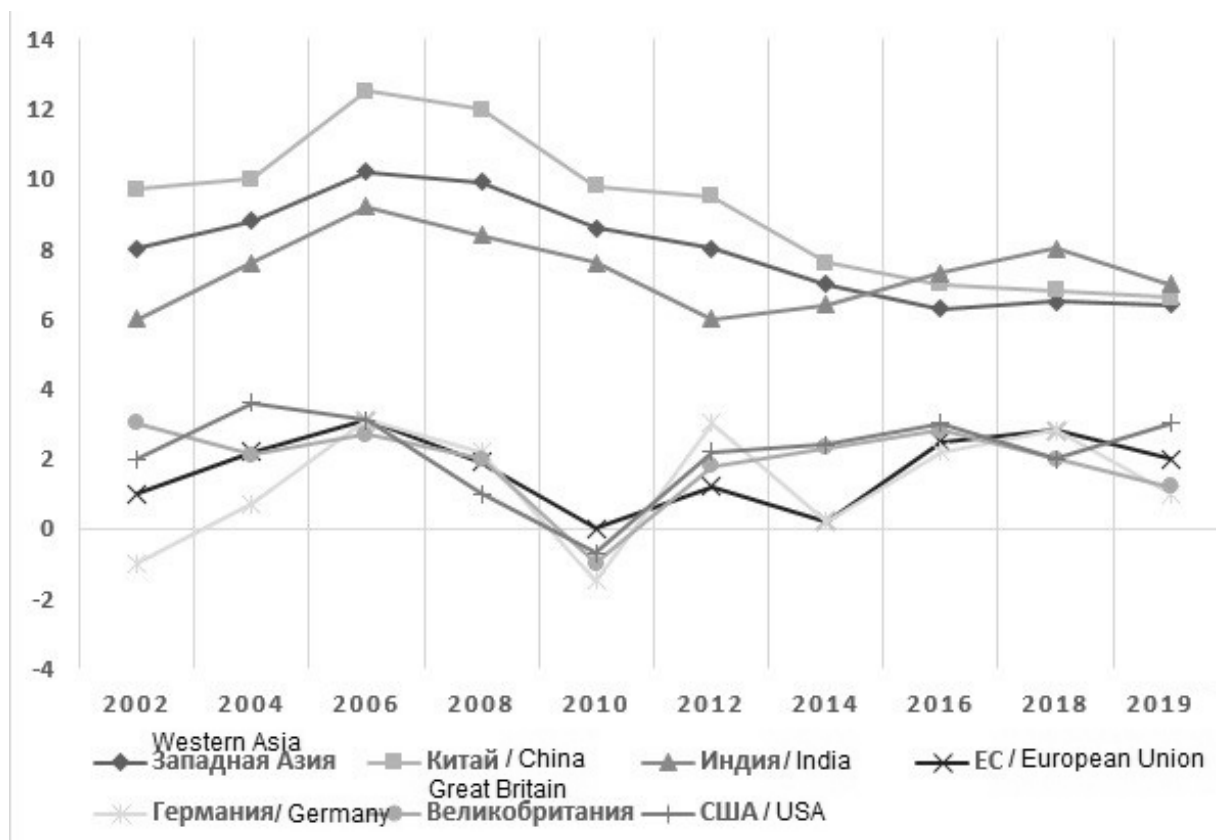

Рис. 1 / Fig. 1. Темпы экономического роста в развитых и развивающихся экономиках в 2002–2019 гг., % / Economic growth in developed and developing economies in 2002–2019, %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

назрел». В некоторых развивающихся государствах, которые уже находились в состоянии рецессии или были близки к ней, фактор экономической и политической неопределенностей, спровоцированных пандемией, особенно усиливал опасность стремительного разворачивания экономического кризиса.

Например, Аргентина накануне пандемии уже находилась в глубокой рецессии, несмотря на получение самого большого кредита от МВФ за все время кредитования Фондом стран-заемщиц. Более того, маловероятным представлялся возврат иностранных инвестиций в страну после выборов 2019 г. Ситуация оставалась нестабильной и в других государствах Южной Америки, а именно в Бразилии и Мексике, где ВВП в 2019 г. по отношению к 2018 г. упал на 0,2% в основном вследствие политической нестабильности [5].

Кризис на энергетическом рынке усложнил и без того непростую ситуацию с экономическим ростом в развивающихся странах — экспортерах энергоносителей. С одной стороны, блокада Венесуэлы и рост

напряженности на Ближнем Востоке оказывали давление на динамику цен на нефть с начала 2019 г., с другой стороны, стратегическая ошибка стран группы ОПЕК+ в марте 2020 г. привела к обрушению мировых цен на нефть и уходу цен на нефтяные фьючерсы в отрицательную зону.

В других развивающихся странах, прежде всего в азиатских государствах, а именно в двух экономиках, характеризовавшихся самыми высокими темпами экономического роста в мире: китайской и индийской, — существенно замедлились темпы экономического роста. Остановка китайской экономики в январе-феврале 2020 г. в связи с эпидемией COVID-19 в Ухани⁷ привела к потере темпов экономического роста уже по результатам I квартала 2020 г. Если добавить к этим потерям сокращение (практически приостановление) туристического

⁷ Пандемия еще не была объявлена ВОЗ, и предполагалось, что вирус COVID-19 будет остановлен в Китае и не выйдет за его границы.

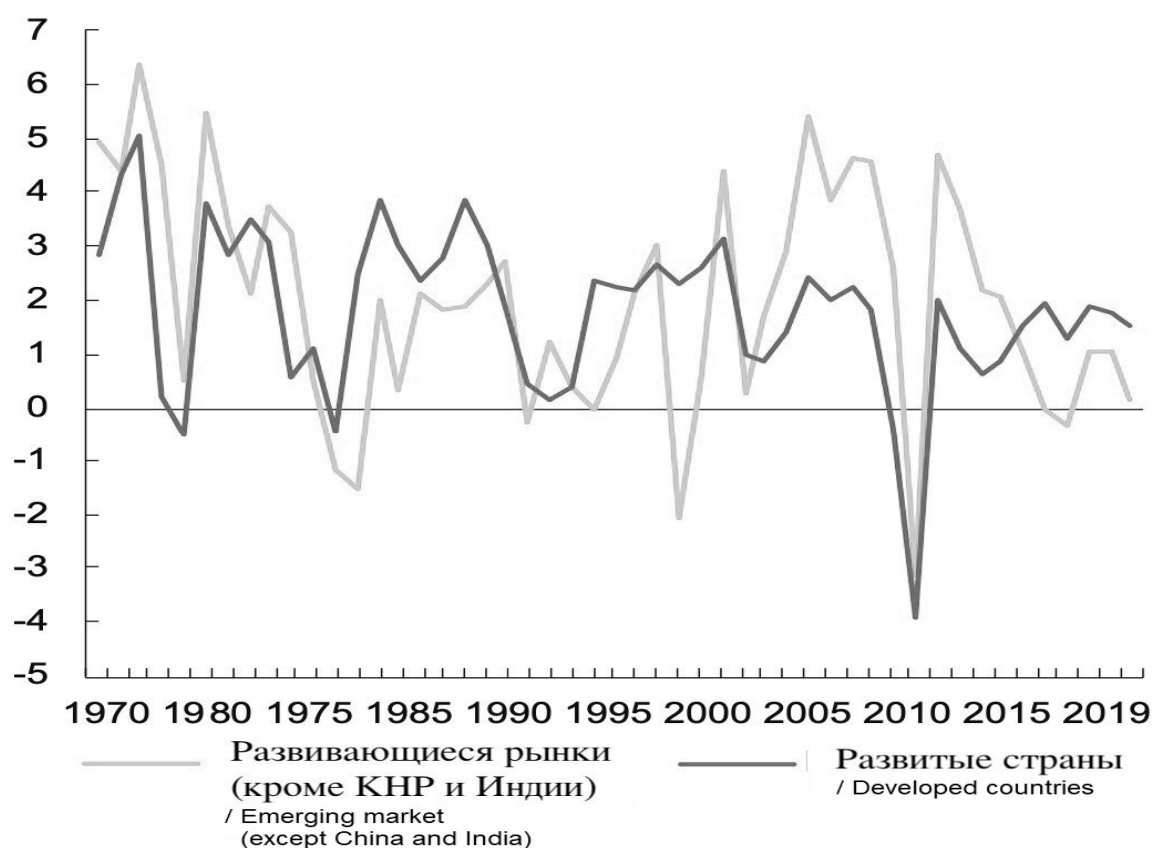

Рис. 2 / Fig. 2. Рост ВВП на душу населения в развитых и развивающихся странах в 1971–2019 гг., % / GDP per capita growth in developed and developing countries in 1971 to 2019, %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

потока в Китай и из Китая, недоверие к китайским товарам, особенно сетевого распространения, падение индекса деловой активности до 40 п.п., то можно делать вывод о том, что в торговой войне с США Китай терял позиции «фаворита гонки»⁸. Кроме того, давление внутреннего долга на экономику все еще остается проблемой для китайских властей. И, наконец, эпидемия коронавируса, охватившая Китай в I квартале 2020 г. и остановившая на два месяца работу всех китайских предприятий, существенно снизила показатели национального экономического роста КНР: за I квартал 2020 г. Китай потерял 15% ВВП⁹. С учетом тесных связей экономики КНР и динамично развивающихся экономик Азии с другими странами региона, замедление темпов экономического роста в КНР и Индии окажет влияние на всю Азию.

⁸ Сайт Китайских портфельных инвестиций. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/foreign-portfolio-investment> (дата обращения: 26.05.2020).

⁹ Там же.

ПРИНЯТИЕ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР

Последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. во многом были смягчены и переведены в экономическую рецессию, затянувшуюся более, чем на десятилетие, благодаря предпринятым странами мерам так называемого количественного смягчения [10]. В частности, органы государственного регулирования США оперативно взялись за реализацию комплекса антикризисных программ. В 2008–2009 гг. из бюджета США было инвестировано 700 млрд долл. США (согласно плану Обамы), а затем еще 787 млрд долл. США.

Как следует из рис. 3, эффект политики центральных банков относительно ключевых ставок был нивелирован последствиями кризиса и оставался таким же незначительным вплоть до 2019 г.¹⁰ Политика количественного смягчения стала причиной раздувания активов центральных

¹⁰ World Investment Report, 2019:194.

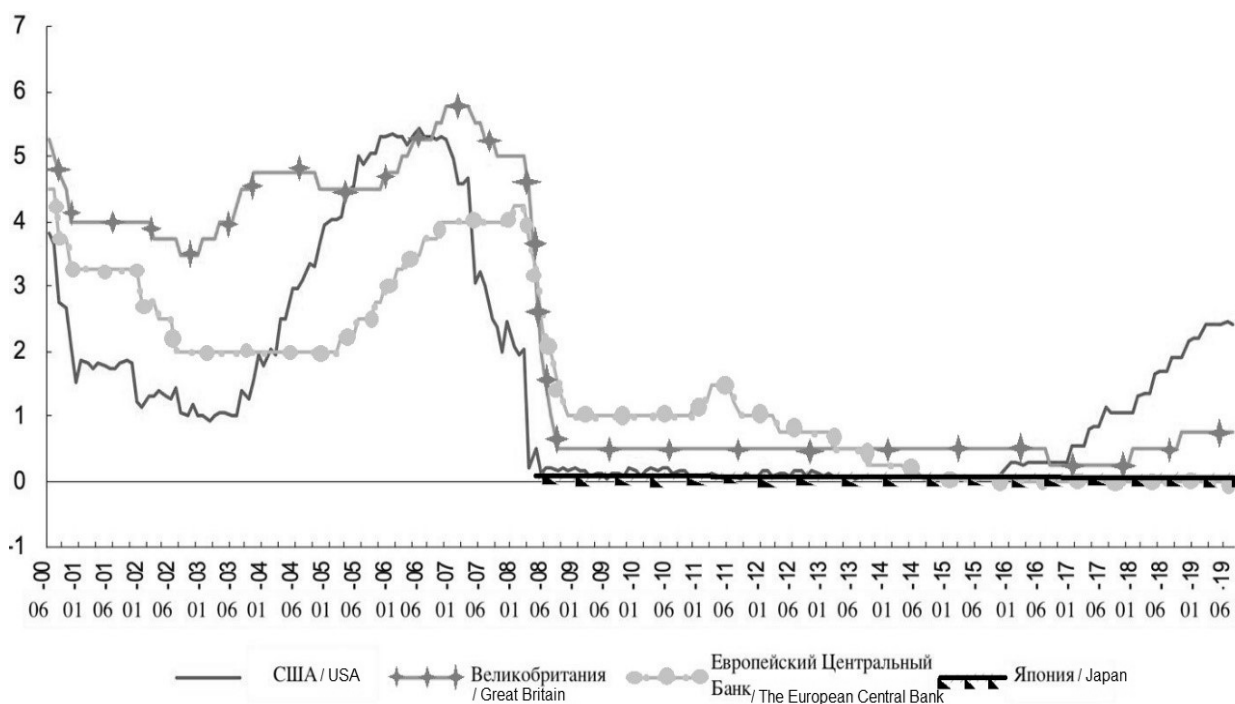

Рис. 3 / Fig. 3. Ключевые ставки центральных банков
2000–2019, % / Key central bank rates 2000–2019, %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

банков, в особенности ФРС США, Банка Японии и ЕЦБ (рис. 4).

ФРС США, заявившая в декабре 2018 г. о готовности трижды повысить процентную ставку с целью достижения коридора 3–3,25% и распродавать ценные бумаги на сумму 30–50 млрд долл. США каждый месяц, уже в 2019 г. изменила свои планы. В 2019 г. после заявления о том, что рост экономической активности в IV квартале 2018 г. замедлился, ФРС США решила отказаться от планов повышения ставок и уменьшения ежемесячного сокращения активов. С тех пор ФРС США придерживалась этой позиции; более того, к концу 2019 г. она сократила краткосрочную ставку заимствований на 0,25%, до 2–2,25%¹¹. Кризис экономики, наступивший вследствие пандемии, заставил органы госрегулирования США оперативно вернуться к комплексу антикризисных программ: «денежная инъекция» американской экономике составила 2 трлн долл. США, а позже к ним добавились еще 200 млрд долл. США, что привело к запредельному росту государственного долга до 23 трлн долл. США в апреле 2020 г.

Несмотря на отсутствие эффективных результатов такой политики центральных банков в посткризисное десятилетие (2009–2019 гг.), в развитых странах по-прежнему преобладают стремления к использованию пассивных монетарных методов экономического регулирования и неприятие активных фискальных мер. Основным аргументом в пользу такой позиции служит якобы отсутствие альтернативы, хотя, как представляется, опыт, накопленный с 2009 г., показывает, что возможностей для применения монетарных мер становится все меньше и меньше. Процентные ставки близки к нулевым, и балансы центральных банков раздуты. Таким образом, спор сводится к вопросу о том, насколько сильно, когда и нужно ли вообще применять нетрадиционную монетарную политику. Тем не менее в начале 2020 г. практически все страны вслед за США прибегли к «денежным инъекциям» в экономику. Размеры общих правительственных мер в % к национальному ВВП составили в Германии — 60%; Италии — 44%; Франции — 26%; Англии — 21%; США — 14%; Испании — 12%; Российской Федерации — 2,1%; Казахстане — 9%; Армении — 2%¹².

¹¹ Bureau of Economic Analysis. International Data. URL: <https://www.bea.gov/system/files/2019-03/trans418.pdf>.

¹² URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights> (дата обращения: 26.05.2020).

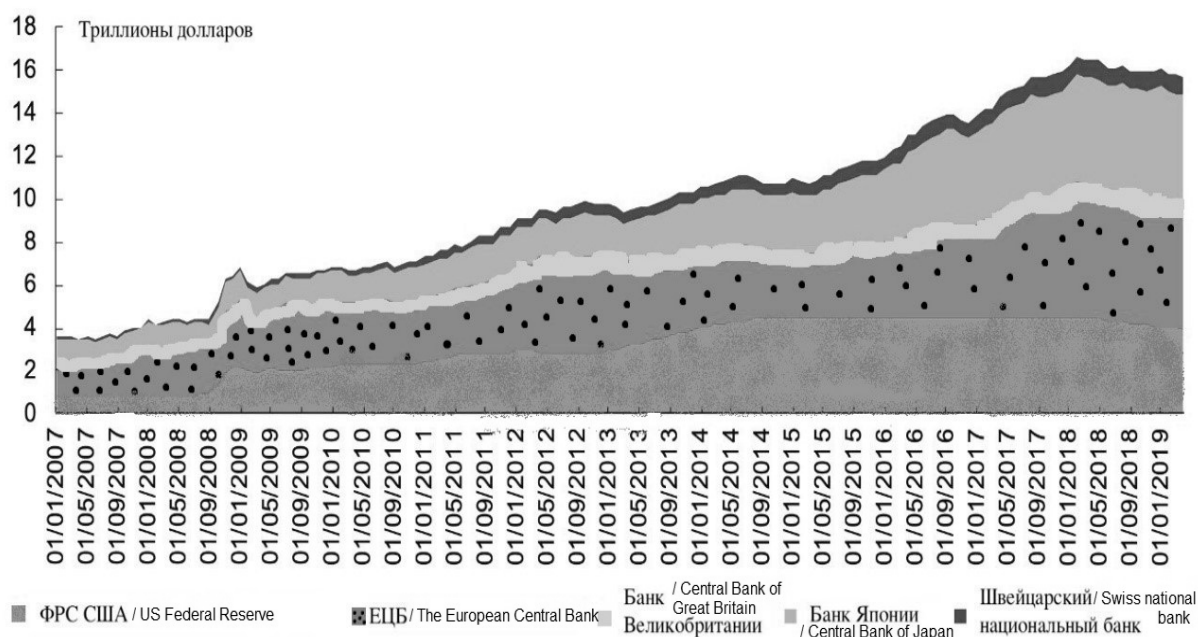

Рис. 4 / Fig. 4. Активы центральных банков ведущих развитых стран в 2007–2019 гг., в трлн долл. США / Assets of central banks of the leading developed countries in 2007–2019, trillion \$

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Похожие настроения преобладают в Европе. ЕЦБ официально заявил о том, что не откажется от политики низких процентных ставок и, возможно, будет их снижать. Такая позиция приводит к сохранению отрицательных процентных ставок на уровне 0,4–0,6% по банковским депозитам, что увеличивает издержки банков и влияет на их доходы. ЕЦБ также упомянул о возможности возврата к программе покупки ценных бумаг (количественному смягчению), которую ранее он обещал отменить, так же как Банк Японии¹⁵.

ПАНДЕМИЯ КАК ФАКТОР МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Пандемия *COVID-19* имеет практически стопроцентные шансы перерасти в крупный экономический и геополитический кризис. Коронавирус может спровоцировать распад современного мирового порядка и стать точкой отчета длительного «ледникового периода» в мировой экономике. Национальные экономики уходят в результате пандемии в «режим самоизоляции», на фоне которого обостряются национальные конфликты, закрываются границы, на место глобализма приходит

протекционизм или блоковое противостояние, например США и Китая, в классическом биполярном, а не многополярном виде.

Симптомы кризиса мировой экономики и мировых финансов на фоне пандемии *COVID-19* как кризисного фактора в настоящее время нарастают: падают курсы акций, растет цена золота в качестве хеджирующего актива, рост ВВП стран остановился и ушел в отрицательную зону, в *S&P500 Global Ratings* прогнозируется уход всех экономических показателей к концу 2020 г. в отрицательную зону. Однако, по мнению большинства аналитиков, классического и болезненного кризиса, как в 2008–2009 гг., удастся избежать. *Во-первых*, ситуация в банковском секторе значительно стабильнее, чем в 2008 г., благодаря предпринятым за период 2008–2019 гг. мерам регулирования устойчивости банков, в частности Базельским соглашениям. Банки, в том числе системообразующие, демонстрируют сейчас достаточную устойчивость на фоне пандемии и практически наступившего финансово-экономического кризиса. *Во-вторых*, пандемия, безусловно, нарушила всю систему международных обменов, а в большинстве случаев разорвала глобальные цепочки производства добавленной стоимости. В «мировой мастерской», роль которой последние два десятилетия выполнял Китай, произошли крупней-

¹⁵ ECB. Statistical Data Warehouse. Statistics Bulletin. URL: <https://sdw.ecb.europa.eu/reports>.

шие потрясения, вызванные почти двухмесячной остановкой экономики. Но, хотя пандемия нарушила и зачастую прервала все глобальные экономические связи (производство, транспорт, логистику, торговлю, потребление), она не нарушила структуру экономики, как это было в 2008–2009 гг. [9]. Такая ситуация обуславливает возможность достаточно быстрого восстановления экономики: от рабочих мест до логистических и транспортных цепочек, а также потребления. *В-третьих*, после кризиса предполагаются более тщательное выстраивание и существенное сокращение глобальных цепочек производства добавленной стоимости; более того, такие процессы уже начинаются. *В-четвертых*, современный финансово-экономический кризис, спровоцированный пандемией *COVID-19*, отличается от большинства предшествующих кризисов тем, что его характеризует не только сокращение и даже остановка производства, но и резкое сокращение потребления, вызванное карантинными мерами в большинстве развитых стран. Пандемия стала сильнейшим фактором давления на мировой платежеспособный спрос. *В-пятых*, в условиях пандемии стало очевидно, что мировая валютно-финансовая система нерегулируема на наднациональном уровне, и, как следствие, периодические финансовые кризисы создают перманентно кризисный фон для развития мировой экономики, что и продемонстрировала пандемия. Для мировой экономики было достаточно такого мирового дестабилизирующего фактора, как пандемия, и вся «архитектура» мировой экономики и мировых финансов рухнула. *В-шестых*, современный финансово-экономический кризис, вызванный пандемией и отсутствием эффективной вакцины, может затянуться на несколько лет. В этом случае кризис будет институализирован и может перейти в хроническую форму (в течение около четырех лет).

Несмотря на вышеприведенное мнение, что нынешний кризис будет протекать мягче, чем кризис 2008–2009 гг., общемировая экономическая ситуация выглядит гораздо хуже, чем в 2008 г. В частности, общий долг Большой двадцатки (*G20*) в 2008 г. составлял 200% мирового ВВП, а в 2019 г. — 240% [8]. Стало гораздо меньше свободы антикризисных маневров, так как банковские процентные ставки уже давно близки к нулевым, а государственный долг значительно выше, чем в 2008 г. [7]. И, наконец, в последние четыре года в глобальной экономике отчетливо сформировались противоположные

глобализму тенденции: тренды протекционизма и национализма «по-трамповски», а также так называемой региональной автаркии — системы замкнутого воспроизводства с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к опыту выхода из кризиса, вызванного крупнейшими эпидемиями, национальных экономик отдельных стран. В частности, острой региональной проблемой в странах Западной Африки в 2015 г. была масштабная эпидемия вируса эболы. Экономические последствия эпидемии в странах региона были очень разными. Например, в Сьерра-Леоне в 2015 г. национальный ВВП упал на 25% и замедлились темпы экономического роста. В Либерии такого экономического «провала» не было, но после выхода из эпидемии началась длительная экономическая стагнация: среднегодовые темпы экономического роста в 2015–2019 гг. не превышали 0,5% (до эпидемии они в среднем составляли 5% ежегодно). В то же время наблюдалась и обратная картина. Национальная экономика Гвинеи отреагировала на пандемию абсолютно непредсказуемо: достаточно высокие ежегодные темпы роста экономики в период 2010–2014 гг. — 3,8% после 2015 г. и выхода из периода эпидемии повысились до 6,7%. Не столь значительное, но все же ускорение темпов роста ВВП после 2015 г. наблюдалось в Мали (с 2,3 до 4%) и Сенегале (с 3,1 до 5%) [9].

Приведенные показатели экономического восстановления стран региона после окончания эпидемии эболы в 2015 г. демонстрируют, что период длительной рецессии после нынешней пандемии *COVID-19* не обязателен. Отдельные страны могут иметь экономический рост после выхода из кризисной ситуации, вызванной эпидемией. Естественно, возникает вопрос: что обусловило экономический рост после эпидемии эболы в отдельных странах Западной Африки? Почему в Гвинее начался экономический рост, а в Сьерра-Леоне нет? В чем разница между этими странами? Косвенную информацию можно получить, сравнив программы восстановления экономики, представленные странами, затронутыми эпидемией эболы в Западной Африке в 2015 г. Всемирному банку в апреле 2015 г. Гвинейская программа экономического восстановления содержала конкретные и хорошо структурированные экономические мероприятия, главными целями которых были восстановление и развитие бизнес-среды. Кроме того, при анализе феномена экономического

роста после эпидемии следует учитывать фактор психологической реакции общества¹⁴.

Приведенный выше пример выхода экономики из кризиса, вызванного эпидемией и тотальным карантинном, не означает, что мировая экономика не претерпит изменений в результате пандемии. Всемирные катаклизмы, включая эпидемии и пандемии, как правило, окончательно формируют давно складывавшиеся тренды, превращая их в необратимые изменения. Пандемия, начавшаяся весной 2020 г., вероятно, ускорит переход к шестому технологическому укладу, который характеризуется массовым применением онлайн-технологий, повсеместной роботизацией производства и, как следствие, безлюдными производствами и повсеместной виртуальной реальностью. В шестом технологическом укладе классические банки теряют свою значимость, их место занимают крупнейшие анонимные финансовые фонды. Одним из последствий пандемии станет рост спроса на получение финансовых продуктов с минимизацией личных контактов. Значительно вырастет в общем объеме финансово-кредитной деятельности доля удаленных операций. Создание глобальной киберфинансовой системы может произойти в обход существующих межправительственных соглашений и международных валютно-финансовых институтов [11]. Появление единой киберфинансовой системы сделает ненужными международные валютно-финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк. В такой международной валютно-финансовой системе страны полностью лишатся своего национального финансового суверенитета. В среднесрочной перспективе в глобальной кибернетической финансовой архитектуре может возникнуть цифровая валюта или несколько валют. Пока отложен запуск в обращение цифровой валюты *Libra*, пользователями которой могут стать 2,7 млрд участников сети *Facebook*.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сценарии развития мировой экономики в период, который последует после пандемии, представлены

¹⁴ Большинство ученых-экономистов на протяжении столетий исключали мотивы, связанные с психологическим настроением общества, доказывая строгую объективность экономических законов. Но все известные случаи резкого подъема экономики так или иначе совпадали с волной национального патриотического подъема, например после больших войн. Окончание эпидемии и карантина может также стать событием, запускающим сопоставимую ему волну энтузиазма.

двумя группами прогнозов: оптимистическими и негативными. Если оптимистические прогнозы предполагают развитие мировой экономики в направлении ее цифровизации и переход на шестой технологический уклад, то негативные прогнозы строятся на предположении, что коронавирус спровоцирует распад современного мирового финансово-экономического порядка: в мировой экономике и финансах наступит длительный «ледниковый период», обострятся национальные конфликты, возможно, закроются границы, а страны уйдут в самоизоляцию. Постепенно выстроится мировая экономика виртуальности, экономика производств и услуг шаговой доступности, дешевых локальных источников энергии. Очевидно, что в негативном прогнозе работа в ее нынешнем понимании останется у немногих.

1. Прогнозы последствий пандемии для мировой экономики включают ряд возможных сценариев на основании следующих выводов.

Глобализм, особенно «гиперглобализация», постепенно будет сдавать свои позиции, мировая экономика вернется к «блоковому» противостоянию, прежде всего по вектору США — Китай в классическом биполярном, а не многополярном виде.

Национальные экономики сейчас находятся в условиях «самоизоляции». Несомненно, что пандемия усилит роль государственного регулирования и укрепит национализм и протекционизм. Правительства большинства стран, особенно развитых, будут принимать чрезвычайные меры, чтобы побороть кризис, и многие из них не захотят отказываться от новых полномочий, когда кризис закончится. Примером тому может служить комплекс чрезвычайных мер, принятых в США. Сохраняющийся антикризисный потенциал доллара позволил предпринять решительные, масштабные и необычные меры как в области денежно-кредитной политики, так и в бюджетной сфере. Во многом эти меры опирались на политику изоляционизма США от текущих проблем мировой экономики.

Политика национальной «самоизоляции» в период пандемии и нарастающих очевидных проявлений мирового финансово-экономического кризиса ускорит процессы усиления новых, быстро растущих экономик и ослабит развитые страны. Лучше всех, по состоянию на май 2020 г., справились с пандемией *COVID-19* Южная Корея, Сингапур и Китай (после исправления первых допущенных ошибок). В то же время меры, предпринятые в Европе и США,

были бессистемными и принятыми с опозданием, что привело к дальнейшему разрушению имиджа Запада.

Что не изменится по своей сути, так это фундаментально конфликтная природа мировой политики и мировой экономики. Предыдущие пандемии, включая пандемию «испанки» 1918–1919 гг., не смогли прекратить вражду, установившуюся между ведущими странами мира, и не обусловили возникновение новой эры глобальной кооперации. Не приведет к этому и пандемия *COVID-19*. По мере достаточно длительного возвращения мировой экономики к показателям 2019 г. продолжатся процессы деглобализации, региональной автаркии и национальной изоляции

2. Произойдет отход от современной модели экономической глобализации.

Очевидно, что пандемия коронавируса может сыграть роль «соломинки, которая ломает спину верблюду» финансово-экономической глобализации. Усиление экономической и военной мощи Китая уже привело политические элиты США к намерению принятия твердого решения лишить Пекин доступа к интеллектуальной собственности и высоким технологиям, которые контролируются американцами. Увеличение общественного и политического давления с целью добиться снижения выбросов углекислого газа уже вызвало дискуссии о зависимости многих компаний от длинных цепочек поставок и о необходимости формирования более коротких цепочек производства добавленной стоимости.

Пандемия коронавируса со всей очевидностью продемонстрировала, что страны, компании и общество должны учиться жить достаточно длительное время в условиях экономической самоизоляции. В таком геэкономическом контексте маловероятно, что страны вернуться к идее взаимовыгодной глобализации, которая стала определяющей в начале XXI в. При отсутствии стимулов защиты общих выгод от глобальной экономической интеграции вся мировая финансово-экономическая архитектура, сложившаяся в XX в., быстро атрофируется и перейдет в новый формат международных экономических и финансовых связей.

3. Произойдет переход к синоцентричной глобализации.

Пандемия *COVID-19* не изменит фундаментально мировые экономические и финансовые тренды, но ускорит изменения, которые уже начались: переход от глобализации, где лидирующие

позиции занимают США, к глобализации, которая в большей степени ориентирована на Китай. Представляется, что после окончания пандемии и постепенного выхода мировой экономики на предкризисный уровень тренд синоцентричной глобализации продолжится. Попытки США нивелировать усилия Китая, направленные на преодоление экономического барьера среднего заработка, путем дальнейшего улучшения и диверсификации своей экономики увеличивают риск повышения турбулентности на мировом рынке высоких технологий и вызывают быстрое ослабление доверия к многостороннему формату сотрудничества стран на мировых рынках. Более того, Китай не только послужил конечной экспортной платформой для компаний, находящихся в других азиатских странах и производящих детали и комплектующие, но и стал основным потребителем товаров из многих развивающихся стран. В определенной мере «торговая и валютная война» США и КНР повлияла на перспективы эффективного мирового экономического роста, сокращая импорт и способствуя протекционизму как элементу новой стратегии роста.

4. Прибыльность мировой экономики упадет, но она станет более стабильной.

Пандемия *COVID-19* подорвала основные принципы функционирования мировой экономики в эпоху глобализма. После периода пандемии и кризиса очевидно, что компаниям придется переосмыслить организацию производства и сбыта на базе созданных корпорациями мультинациональных цепочек поставок за счет сокращения количества звеньев в этих цепочках и существенного укорачивания самих цепочек. Правда, глобальные цепочки производства добавленной стоимости и до пандемии коронавируса переживали не лучшие времена из-за увеличения стоимости рабочей силы в Китае, торговой войны, затеянной президентом США Д. Трампом с КНР, успехами роботизации, создания искусственного интеллекта, автоматизации и 3D-печати, а также вследствие изменения политических настроений в развитых странах вследствие реальных или мнимых потерь рабочих мест. Пандемия *COVID-19*, остановив мировую экономику на несколько месяцев, нарушила все глобальные цепочки поставок: закрытие предприятий в местах, охваченных коронавирусом, оставило другие производства без необходимых запасов и товаров.

Заметным последствием пандемии станет то, что многие компании захотят укоротить цепочки поставок и сделать выбор между эффективностью и доступностью (стабильностью) работы. Расширится государственное вмешательство в организацию работы стратегических отраслей и предприятий, а также системообразующих финансовых институтов [10]. Прибыльность упадет, но экономики станут более стабильными.

5. *США понадобятся новая стратегия для сохранения лидерства в глобальной экономике.*

В 2017 г. президент США Д. Трамп представил новую национальную стратегию безопасности, которая была построена вокруг идеи противостояния великих держав. Пандемия *COVID-19* показала, что эта стратегия оказалась неадекватной. По состоянию на конец мая 2020 г. вследствие пандемии в США погибло более 100 тыс. человек, что в 30 раз больше, чем в Китае за весь период пандемии (с декабря 2019 г. до конца февраля 2020 г.). Даже если США останутся великой державой, им понадобятся дополнительные усилия, чтобы поддерживать свое лидерство в новой мировой экономике.

Но существует и противоположная точка зрения, доказывающая, что пандемия *COVID-19* представляет собой кризисную фазу 80-летнего экономического цикла (вместо двух мировых войн, как это было в XX в.). В рамках теории 80-летних циклов развития экономики США пандемия представляет собой этап кризиса в 80-летнем цикле экономического развития. Этот цикл принято делить на четыре этапа: фаза неустойчивости (20 лет); фаза острого кризиса (4–5 лет); фаза реконструкции (15–16 лет); фаза устойчивого развития (40 лет). В XX в. фазы острого кризиса в 80-летних циклах развития экономики США знаменовались мировыми войнами, в XXI в. триггером кризиса американской экономики стала пандемия. Первая фаза, т.е. фаза неустойчивости, началась 11 сентября 2001 г. и, пройдя 20-летний период, перешла в острую фазу — кризис. Этот кризис начался вследствие пандемии *COVID-19* и продолжится не менее четырех лет (с 2020 по 2024 г.). Мировой войны нет, она невозможна в эпоху ядерного оружия, но ее функцию выполняет пандемия: даже летняя олимпиада 2020 г. была отменена, как это было в периоды двух мировых войн в XX в. По существу, пандемия заменила войну. По окончании кризиса и выхода из пандемии в течение 15–16 лет до 2040 г. в США будет период реконструкции, в течение которого

должна оформиться институционально новая посткризисная социально-экономическая система. И, наконец, после 2040 г. 80-летний цикл должен завершиться почти вертикальным ростом американской экономики. В случае реализации такого сценария США смогут вновь стать лидером новой глобальной экономики шестого технологического уклада.

6. *Произойдет изменение глобальной цепочки производства добавленной стоимости после пандемии COVID-19.*

Кризис 2020 г., вызванный пандемией, изменит соотношение сил на международной арене. В долгосрочной перспективе пандемия коронавируса приведет к сокращению производственных мощностей мировой экономики, особенно в результате закрытия компаний и роста безработицы. Этот риск особенно силен для развивающихся стран и тех государств, у которых имеется значительная доля экономически уязвимых работников. Давление испытывает и международная система отношений, что приведет к нестабильности и конфликтам как внутри государств, так и между странами [12].

Структурный кризис мировой финансовой и экономической системы — свидетельство того, насколько уязвимы глобальные цепочки поставок. Таким образом, пандемия коронавируса не только будет иметь долгосрочные экономические последствия, но и приведет к фундаментальным изменениям в структуре мировой экономики.

Глобализация позволяла размещать производство по всему миру и доставлять товар на рынок в любой момент. Это сокращало расходы на хранение, а запасы, которые лежали на полках больше, чем несколько дней, считались убытками. Таким образом, предложение и потребление товаров регулировались тщательно продуманной корпорацией на глобальном уровне системой логистики. Пандемия *COVID-19* доказала, что можно остановить всю глобальную систему производства, логистики и торговли. Принимая во внимание масштабы экономических потерь в период выхода из кризиса, необходимо ожидать институционального формирования нового этапа глобального капитализма, предусматривающего сокращение цепочек поставок, перенос производств ближе к рынкам сбыта и наполнение складов избыточными запасами. Это снизит прибыль компаний в краткосрочной перспективе, но сделает более надежной всю мировую экономическую систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия *COVID-19* перерастет в крупный экономический и геополитический кризис и может спровоцировать распад современного мирового порядка. Последует длительный экономический «ледниковый период», обострятся национальные конфликты, закроются границы, возобладает протекционизм и/или региональная автаркия. Продолжится цифровизация общества: все больше мероприятий будет проводиться онлайн, отменяются крупные ярмарки, спектакли, лекции, закроется большая часть торговых центров, покупки будут осуществляться преимущественно через интернет. Преобладать будут работа на дому и оказание услуг онлайн, включая врачебные консультации.

Действительно, пока что симптомы кризиса нарастают: падают курсы акций на мировых биржах, растет цена на золото, разрываются международные хозяйственные связи, в том числе в мировом авто- и авиапроме. Компании сообщают о нехватке комплектующих, отменяются международные торговые ярмарки, приходят в упадок туризм и гостиничный бизнес. В случае продолжения эпидемии к концу года все основные показатели уйдут в минус.

По мнению многих западных наблюдателей, коронавирусный шок застал врасплох мир, в котором на протяжении ряда лет и без того происходил процесс фрагментации. Геополитическая неопределенность, популизм, национализм и протекционизм негативно влияли на экономику, а эпидемия коронавируса только усилила эти тенденции. Их нарастание может привести к разрушению транспортных и производственных связей, а также положить конец глобализации в нынешнем виде. Одним из возможных последствий может стать «виртуализация» экономики: поток информации онлайн заменит физический обмен товарами и людьми. В любом случае перемены будут масштабными, и к ним надо готовиться всем.

По мнению многих западных наблюдателей, коронавирусный шок застал врасплох мир, в котором на протяжении ряда лет и без того происходил процесс фрагментации. Геополитическая неопределенность, популизм, национализм и протекционизм негативно влияли на экономику, а эпидемия коронавируса только усилила эти тенденции. Их нарастание может привести к разрушению транспортных и производственных связей, а также положить конец глобализации в нынешнем виде. Одним из возможных последствий может стать «виртуализация» экономики: поток информации онлайн заменит физический обмен товарами и людьми. В любом случае перемены будут масштабными, и к ним надо готовиться всем.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

ACKNOWLEDGEMENT

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task for the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлова Г. А., Марков А. К. Экономический рост: теория и практика // Российский внешнеэкономический вестник. — 2014. — № 7. — С. 23–29. — ISSN 2072–8042.
2. Сухарев О. С. Экономический рост и финансовая политика // Экономический анализ: теория и практика. — 2011. — Т. 239. — № 32. — С. 47–52. — ISSN 2311–8725.
3. Ершов М. В. 2018: восстановление мировой экономики в мире и в РФ — всерьез и надолго? // Управление. — 2018. — Т. 9. — № 2. — С. 37–42. — ISSN 2218–5003.
4. Алымкулова А. С. Перспективы развития мировой экономики в посткризисный период // Экономика и бизнес. — 2018. — № 8. — С. 23–32. — ISSN 2411–0450.
5. Булатов А. С., Квашнин Ю. Д., Кузнецов А. В. и др. Россия в международном движении капитала // Вестник МГИМО-Университет. — 2019. — № 4. — С. 14–16. — ISSN 2071–8160.
6. Балюк И. А. О проблеме роста внешней задолженности в условиях глобализации мировой экономики // Финансовый журнал. — 2016. — № 5. — С. 75–81. — ISSN 2075–1990.
7. Holmstrom B. Understanding the role of debt in the financial system. BIS Working Papers. 2015; January:479.
8. Родина Г. А. Современная финансиализация как новое качество экономики // Социально-политические исследования. — 2019. — № 4. — С. 37–43. — ISSN 2658–428X.
9. Костин А. Б. Анализ кризисных явлений в мировой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2019. — № 2. — С. 34–43. — ISSN 2311–3464.
10. Спартак А. Н., Французов В. В. Современные тенденции и риски в развитии мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — № 4. — С. 18–25. — ISSN 2072–8042.

11. Варнавский В.Г. Трансформация мирового геоэкономического пространства в условиях реиндустриализации // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2019. — № 2. — С. 34–46. — ISSN 0131–2227.
12. Костин А.Б. Драйверы роста мировой экономики // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. — 2017. — № 2. — С. 19–25. — ISSN 2311–3464.

REFERENCES

1. Orlova G.A., Markov A.K. Economic growth: theory and practice. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian Foreign Economic Gazette*. 2014;(7):23–29. (In Russ.).
2. Sukharev O.S. Economic growth and financial policy. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya I praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2011;(32):47–52. (In Russ.).
3. Ershov M.V. 2018: the recovery of the world economy in the world and in Russia: seriously and for a long time? *Upravlenetz = Manager*. 2018;(2):37–42. (In Russ.).
4. Alymkulova A.S. Prospects for the development of the world economy in the post-crisis period. *Ekonomika I byznes = Economy and business*. 2018;(8):23–32. (In Russ.).
5. Bulatov A.S., Kvashnin J.D., Kuznetsov A.V. Russia in international capital movement. *Vestnik MGIMO-Universitet*. 2019;(4):14–16. (In Russ.).
6. Baluk I.A. On the problem of rising external debt in the globalized world economy. *Finansovyi jurnal = Financial Journal*. 2016;(5):75–81. (In Russ.).
7. Holmstrom B. Understanding the role of debt in the financial system. *BIS Working Papers*. 2015; January:479
8. Rodina G.A. The birthplace of G.A. Modern financialization as a new quality of the economy. *Sotzialno-politicheskiye issledovaniya = Social and political research*. 2019;(4):37–43. (In Russ.).
9. Kostin A.B. Analysis of the crisis in the world economy. *Izvestiya S-P gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestia of St. Petersburg State Economic University*. 2019;(2):34–43. (In Russ.).
10. Spartacus A.N., French V.V. Modern trends and risks in the development of the world economy. *Rossyiskaya vneshneekonomicheskaya gazeta = Russian Foreign Economic Gazette*. 2019;(4):18–25. (In Russ.).
11. Varnavsky V.G. Transformation of the world geoeconomic space in the conditions of reindustrialization. *Megdunarodnye ekonomicheskiye otnosheniya = World economy and international relations*. 2019;(2):34–46. (In Russ.).
12. Kostin K.B. Drivers of global economic growth. *Izvestiya S-P gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestia of St. Petersburg State Economic University*. 2017;(2):19–25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Анатольевна Звонова — доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
EAZvonova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Zvonova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia
EAZvonova@fa.ru

*Статья поступила 30.06.2020; принята к публикации 25.07.2020.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 30.06.2020; accepted for publication 25.07.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript.*